

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ АНТИЧНОСТИ

От редакции

Ниже печатаются итоги обсуждения в Секторе древней истории Института истории АН СССР постановки ряда проблем истории древней Греции и Рима в современной буржуазной историографии. Члены Сектора в своих высказываниях затрагивали те из этих проблем, которые более других связаны с их научными интересами. Отсюда ясно, что при этом отнюдь не ставилась задача охватить все главные вопросы. Редакция считает, что в целом эти высказывания в известной мере характеризуют направления современной буржуазной исторической мысли, главным образом в тех ее чертах, которые являются методологически неприемлемыми для советских исследователей.

При публикации высказываний сохраняется их последовательность. Ни авторы, ни редакция не стремились к тому, чтобы эта последовательность полностью отражала последовательность хода исторического развития. Редакция не считала необходимым придавать публикуемому материалу более систематическую форму, памятуя о самом характере этого материала, представляющего непосредственный отклик на вопросы, которые не могут не интересовать каждого историка древнего мира.

О НЕКОТОРЫХ ОЦЕНКАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Античная Греция продолжает привлекать большой интерес современных буржуазных историков. Буржуазные идеологи ищут в ее истории ключи к пониманию и разрешению острых проблем, выдвигаемых современностью. Одной из таких проблем является проблема демократии и власти; в эту проблему, естественно, включается вопрос о сущности и форме древнегреческой государственности. По этому вопросу современные прогрессивные и реакционные историки резко расходятся. Первые продолжают сосредотачивать свое внимание на демократических Афинах, вторые — на Спарте; конечно, и реакционные историки изучают государственность Афин, но всегда с резким «разоблачающим» осуждением. Однако оба эти широко понимаемые направления современной историографии исходят из одного и того же основного понятия о древнегреческой государственности, именно из понятия о полисе, замкнутом автарктичном городе-государстве, как о единственном в античной Греции виде государства. В то же время древнегреческое государство трактуется вполне модернизаторски. В любом современном труде по истории древней Греции, в общих ли «историях Греции», например Джанелли¹, Вилькена², Де Санктиса³ и др., или в более специальных трудах, как Мар-

¹ G. Gianelli, Trattato di Storia greca, Firenze, 1951.

² U. Wilcken, Griechische Geschichte, München, Oldenburg, 1951.

³ G. De Sanctis, Storia dei Greci, Firenze, 1940.

тэна ⁴ или Штира ⁵, во всех этих книгах при всем разнообразии точек зрения авторов. политической, экономической, культурной единицей Греции является полис, «город-государство». Но чем отличается этот полис от городов-государств средневековой Европы или городов современности, чем обуславливаются те черты полисов, которые характеризуются как «античные», — такой проблемы современная буржуазная историография не ставит. Полис мыслится как современное государство, только в миниатюре, причем он часто представляется как носитель тех или иных современных социально-политических идеалов.

Афины V века рассматриваются типичным для реакционной историографии автором, вышедшим из школы Белоха, Джанелли, как высшее развитие демократии; афинский демос проявлял все пороки, которые могут быть свойственны государственной власти. Если Афины перед Пелопоннесской войной и достигли исторически высокого положения, то этим они были обязаны не демократии, а Периклу, власть которого имела монархические черты; главной ошибкой Перикла было то, что он допустил «диархию», не устранил окончательно массу от активной роли в политике и допустил, чтобы масса его свергла. Джанелли повторяет полные ненависти тирады Платона и Аристотеля о демократии как о разнузданном коллективном тиране, подчеркивая, что это свойственно «всякой радикальной демократии». Конечный разгром Афин в Пелопоннесской войне был результатом господства радикальной демократии после смерти Перикла. «Тоталитарное государство есть крайнее заострение демократии, — пишет Джанелли, — и, при конечном анализе, ее отрицание; демос, потеряв из виду естественные границы своей власти, превращается из правителя в своего собственного тирана». Характеризуя «социальное разложение», Джанелли говорит о «борьбе классов», в которой «крайние фракция» уничтожают «здоровую демократию», «более деятельное гражданство вытесняется... капиталистической олигархией и пролетариатом». Полис, таким образом, мыслится Джанелли как миниатюра современного государства, которая используется для «научного» обоснования и пропаганды одного из видов современной империалистической идеологии, резко антисоветского по своей направленности.

Стремление исторически «доказать» ничтожество демократии, полную якобы неспособность масс к политическому и культурному созиданию широко распространено в современной буржуазной историографии античной Греции, особенно американской.

Такова, например, книга крупного американского историка, еще с начала текущего столетия много писавшего по античной истории, Прентиса ⁶. Прентис дает ряд очерков истории Греции и самими заглавиями этих очерков проводит параллель между развитием афинской демократии на фоне военно-политических событий и историей США в первую мировую войну. После главы «Персидские войны» следует глава «Абсолютная демократия», где говорится: «В Афинах V века до н. э. граждане, у которых практически не было земли или капитала и которые едва ли располагали каким-либо доходом, кроме заработной платы, численно превосходили остальную часть имевших право голоса, так же, как это бывает в современных государствах... Если один класс граждан настолько многочисленен, что может подавить при голосовании все остальные классы, взятые вместе, то этот класс претендует на контроль над правительством и государством. Это — тенденция, общая всем демократиям». Затем следует изображение развития афинской демократии, и она характеризуется как власть чисто городских элементов; эти демократы образуют «партию»; «многие члены этой партии были отравлены политической властью и материальным благополучием, которое они недавно приобрели; многие, если не подавляющее большинство из них, были невежественны, близоруки и неспособны к разумным суждениям: они твердо голосовали против уна-

⁴ V. Martin, La vie internationale dans la Grèce des cités, P., 1940.

⁵ H. Stier, Grundlagen und Sinn der griechischen Geschichte, Stuttgart, 1957.

⁶ W. Prentice, The Ancient Greeks, Princeton, 1943

следованных богатств или привилегий и игнорировали интересы всех классов, кроме своего собственного...» И далее: «Политика Перикла вовлекла его народ в катастрофическую войну, и политические нововведения, которые он продолжал защищать, при которых вся власть без остатка стала в конечном счете зависимой от голосования большинства, сделала Афины после его смерти неспособными выиграть войну или залечить ее раны». В этом месте Прентис сочувственно цитирует своего немецкого коллегу Ганса Богнера: «...Перикл был вынужден водворить в Афинах диктатуру пролетариата». В названиях следующих глав выражается тенденция полного уподобления Греции современной империалистической действительности: «Мировая война 431—404 гг.»; дальнейшая глава—«Последняя возможность» (имеется в виду второй афинский союз) и последняя глава — «Мировая империя».

Наряду с подобной трактовкой замкнутого полиса в буржуазной историографии можно найти и попытку аналогий между проблемой политического объединения Элады, объединения автономных полисов путем частичного отказа каждого из них от своего суверенитета и возникшей в связи со второй мировой войной идеей мировой политической организации.

В этом отношении типична статья американского историка Крамера⁷ «Значение опыта Делосской конфедерации для движения в пользу мирового политического объединения», напечатанная в 1943 г. Крамер утверждает, что опыт Делосского морского союза гораздо более поучителен для «современных проблем», чем опыт Американской федерации, так как Делосский союз сложился из самостоятельных государств и притом находившихся на разных ступенях исторического развития — как и мир в 1943 г. Интересно, что Крамер подчеркивает наличие у греков сознания своего единства; при учреждении Делосского союза возникло множество политических вопросов, «столь же основательных для Эгейского мира, как и для мира современного, связанных с заменой чисто негативного умения сокрушить врага позитивной динамикой и с развитием нового национализма, бок о бок с новым интернационализмом»; «эти спорные вопросы никогда, сколько я знаю,— продолжает Крамер,— не были констатированы у афинских деятелей». Этими словами Крамер выдвигает весьма важные проблемы древнегреческой государственности, но в вульгарно-модернизаторском аспекте. Крамер проследживает далее развитие власти Афин и превращение бывших союзников в подданных. «Уроки греческого эксперимента неотразимы,— пишет Крамер.— Мы видели, что интенсивное желание говорящих по-гречески наций объединиться, исходящее из военного сотрудничества, сознание общности интересов, расы и языка и их страх перед общим врагом были недостаточны, чтобы обеспечить успех конфедерации». Статья заканчивается рассмотрением современной политической ситуации, в которой роль Спарты якобы «играет Россия».

На ту же тему была написана статья крупного английского экономиста и политика, известного также историкам античности по его книге «Греческое государство» и ряду статей, А. Зиммерна под заглавием «Афины и Америка», напечатанная в том же журнале «The Classical Journal».

Проблеме эллинской государственности в национальном аспекте посвящен один из основных докладов по античной истории на Римском конгрессе 1954 г.⁸ Крупный современный исследователь государственной культуры древней Греции Г. Шефер в этом докладе говорит о развитии национального самосознания греков, носителем которого была, как он утверждает, родовая знать; вместе с тем плло развитие связей между полисами, но сами полисы являлись замкнутыми политическими единствами. Определяющей силой и здесь была знать, направлявшая процесс колонизации и создавшая институт проксении. Развитие демократии после Греко-персидских войн обозначало

⁷ F. Kramer, The Implication of the Delian Confederacy for «Union Now» Movements, «The Classical Journal», 1943, № 7, стр. 391—400.

⁸ H. Schaefer, Das Problem der griechischen Nationalität, «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», т. II, стр. 297—373.

упадок влияния знати; тем самым естественный базис национального единства был подорван. Но — и это весьма интересно и ново — Шефер признает крупную роль Афинской морской державы в укреплении национального и, в известной степени, политического единства Греции; однако своекорыстная политика Афин в сильнейшей степени ослабляла положительный эффект державы. В IV в. греки «пытались создавать более крупные политические организмы путем преодоления замкнутости коллектива как типа государства (*Abgeschlossenheit des Gemeinwesens als Staatstypus*)». Шефер усматривает элементы политического единства и в эллинской действительности и в эллинском политическом самосознании, но исходит при этом из идеи, что родовая знать была главной носительницей этого единства; по отношению же к роли афинской и вообще греческой демократии в национальном самосознании и политическом единстве Греции ясности мыслей у Шефера мы не находим.

Той же проблеме посвящена и вызвавшая большой интерес книга западногерманского профессора Штира. Штир полагает, что «политические отношения между греческими государствами должны в полной мере называться интернациональными»; но для него это не значит, что не существовало сознававшегося самими греками культурно-политического единства Греции; он ссылается на пример Европы XVIII—XIX вв. Штир, таким образом, подменяет понятие национальности представлением о замкнутом локальном единстве; это дает ему возможность провести аналогию между древнегреческой действительностью и современной империалистической политикой и идеологией.

«Царский» мир 387 г. Штир совершенно ошибочно рассматривает как в высокой мере «национальный» акт греческой истории: на стр. 169 он пишет: «не может быть вопроса о том, что в «Царском мире» действительно были высказаны затаеннейшие желания эллинов». Можно только удивляться, что столь эрудированный автор, как Штир, так грубо смешивает политические стремления олигархических, проспартанских группировок с политической программой афинской демократии! В дальнейшем подводится итог: «При спокойной проверке мы вновь и вновь возвращаемся к тому, чтобы признать за греческим государством-полисом явно выраженный характер национальной государственности (*Nationalen Staatswesen*), так что исчезает затруднение, вызываемое тем, что античная государственная мысль не знала национального государства как промежуточную ступень между городом-государством и мировой империей...».

Таким образом, древнегреческие города-государства при всей своей замкнутости располагали, согласно Штиру, чертами «национальной государственности», позволившей им мечтать о слиянии в мировую империю под властью персидского царя, причем они должны были сохранить свою «национальную государственность». Перед нами полное искажение политической действительности IV в. для аргументации в пользу мировой империи под главенством США.

В тесной связи с этой проблемой древнегреческой государственности находится и другая проблема греческой истории, широко используемая для реакционной политической пропаганды. Это — кризис полиса и возникновение власти Македонии.

Утверждение, что греческий полис в IV в. до н. э. переживал кризис, является общераспространенным. Но на ряд важных вопросов, связанных с этим утверждением, обоснованных и ясных ответов существует недостаточно. Это дает возможность с тем большей легкостью использовать историю IV века для попыток полного дезавуирования демократии, с одной стороны, и создания ореола вокруг монархической власти, — с другой. Построение уже цитированной книги Джанелли имеет в виду достижение этих двух целей; центральное место в книге отведено специально сконструированному Джанелли периоду — 431—346 гг. до н. э., т. е. с начала Пелопоннесской войны и до Филократова мира, впервые формально утвердившего политический авторитет Филиппа II в Греции; весь этот период изображается как господство необузданной демократии и обусловленное этим господством политическое разложение Эллады. Следующий, по Джанелли, период — это возрождение Эллады под властью македонских царей, начи-

ная с Филиппа II и вплоть до Антигона Досона включительно (конец III в.); про последнего говорится, что под его властью свободный греческий народ обрел свое политическое единство; нельзя не вспомнить при этом, что Антигон Досон, опираясь на антинародные группировки в Элладе, разгромил возглавлявшееся Клеоменом III Спартанским подлинное демократическое и революционное движение, ставившее целью политическое объединение Эллады.

Вопросы политической идеологии древней Греции тоже привлекают к себе небольшое внимание за последнее десятилетие, но трактовка этих вопросов не отличается существенной новизной. По-прежнему греческая политическая мысль рассматривается в рамках полиса. По-прежнему Платон и Аристотель выступают как завершители и абсолютные выразители политической идеологии классической Греции; несколько новым является, пожалуй, то весьма интересное обстоятельство, что и Платона теперь стремятся сделать выразителем некоторых стремлений демократии. Почти во всех новейших работах подчеркивается высокая политическая лояльность Сократа и Платона (VII письмо); Платон, вслед за Сократом, нашел будто бы путь к объединению истонной полярной противоположности двух типов древнегреческой государственности: дорийской и ионийской, Спарты и Афин (например, в «Менемене» Платон говорит, что в свои лучшие годы Афины были «демократической аристократией»). Сократ устранил революционное учение софистов об естественном праве и ввел классическое учение о праве, которое было завершено Платоном и Аристотелем⁹. Для Фердросс-Дроссберга «Законы» Платона не упадочное произведение стареющего философа, но его наиболее всеобъемлющий и глубокий труд, в основе которого лежат демократические принципы — выборность должностных лиц; для Фердросс-Дроссберга в Платоне объединяются все более ранние направления политической мысли, из него исходят все последующие. Достойно внимания, что этот автор стремится найти у Платона элементы демократической идеологии (ведь эта идеология изучалась крайне мало), но тенденция найти демократические основы в произведении, которое самым крайним образом отрицает идеологию древнегреческой демократии, — характерна; автор выступает здесь за такую «демократическую» идеологию, которая может быть совмещена с активным проявлением любых антидемократических сил, что льет воду на мельницу наиболее решительным политикам современного империализма. На это достаточно прозрачно намекает и сам Фердросс-Дроссберг, характеризуя полис Платона и Аристотеля как государственную форму, идеально приспособленную к обеспечению всеобщего мира; поэтому этот идеальный полис может рассматриваться, согласно автору, как прообраз всех учений, направленных на обоснование всеобщего мирного (!) райха. Тенденциозность подобной характеристики политических идеалов Платона делается особенно ясной, если вспомнить те качества, которые должны были быть выработаны соответственным воспитанием у граждан обоих идеальных платоновских государств: это прежде всего качества воинов, а не мирных строителей жизни.

Можно привести еще несколько новейших книг по истории древнегреческой политической мысли, которые тоже исходят из идеи полиса, но ищут в этом полисе отображения зловещих вопросов политической современности: такова книга Синклера¹⁰, в которой автор, целиком разделяя представление о полисе как об абсолютном воплощении древнегреческого государства, считает вместе с тем, что греческой действительности были свойственны и более широкие государственные объединения, но это не нашло никакого отражения в политической мысли; Исократ, в частности, характеризуют «идеи о политике, но не политические идеи». За небольшим исключением, Платон и Аристотель поглощают все внимание автора. Однако к Платону автор относится критически; по поводу «Политии» он говорит, что «политические принципы Руссо, Берка, Маркса теснятся

⁹ A. Verdross-Drossberg, Grundlinien der antiken Rechts- und Staatsphilosophie, Wien, 1946.

¹⁰ T. Sinclair, A History of Greek Political Thought, London, Routledge, 1951.

и выталкивают один другого на ее страницах», в ней главенствует губительная мысль о диктатуре группы лиц, «чья претензия на высшую мудрость и безошибочное знание никогда не может быть поставлена под вопрос». Политическая заостренность этой критики «Политии» достаточно очевидна.

Подводя итог, мы можем сказать, что для современных буржуазных историков древнегреческая политическая мысль является благодарным полем политической пропаганды; унаследованные от десятков и даже сотен поколений, ставшие вполне привычными представления и образы наполняются под пером современных буржуазных историков реакционным политическим содержанием. Тем большее и актуальное значение приобретает подлинно научное изучение данной тематики.

* *
*

В советской литературе была отмечена еще одна проблема древнегреческой истории, вновь привлекающая за последнее время к себе внимание буржуазной историографии, — роль личности Александра Македонского в возникновении эллинистической эпохи. Указывалось на безудержное возвеличение Омо и Шахермейером личности Александра как создателя мировой империи, на преимущественный поэтому интерес этих историков к биографическим моментам. Но, может быть, следует подчеркнуть и общую характерную черту современной буржуазной социологии. Личность сверхчеловека-властителя рассматривается как наивысшее воплощение исторической эпохи, и этой личности отводится определяющее значение в наступлении данной эпохи. Эта черта достаточно отчетливо проступает в книге Альтхейма «Александр и Азия», Tübingen, 1953; все ее 16 глав посвящены роли личности Александра Македонского в смене эпох развития государств и культур Азиатского континента. На этой основе Альтхейм развивает концепцию О. Шпенглера. Помимо выдвигаемой Шпенглером в развитии мировых культур фатальной цикличности, в истории действуют иррациональные, резко изменяющие закономерное развитие силы. В историческом развитии народов античной и азиатских культур такой силой являются две личности: Александр Македонский и Заратустра. Развитие мировой культуры, определяющее историческую жизнь народов, начиная с VI в. до н. э. и кончая Византийской империей, в своих основах было заложено в деяниях Заратустры и Александра Македонского. В первых четырех главах Альтхейм характеризует Ахеменидскую державу и Александра, следующие четыре называются «Преемство Александра» (Alexanders Nachfolge), дальнейшие четыре — «Исход» (Ausgang) — передвижения среднеазиатских кочевников на запад и юг в последние два века до н. э. и возникновение новых государств в Средней Азии, Иране и Индии, и, наконец, последние четыре главы названы «Духовное наследие» — античные основы культурного развития Средней Азии и Ирана во времена поздней Римской империи. «Александр и Азия обозначают полюсы мировой истории», — так начинает свою книгу Альтхейм; несколько ниже он пишет: «Никогда еще не было описано происходящее во всех его внутренних связях... Но эта книга была написана не потому, что такого описания не хватало. Автор полагает, что предмет его изложения касается сегодняшних дней, как будто дело идет о его наисобственнейших, о его самых личных интересах. Автор полагает, что в свершившемся прошлом отражается сегодняшнее и даже более того: из свершившегося можно извлечь не только диагноз нынешних обстоятельств, но и прогноз будущих». Автор хочет предвидеть будущее современного человечества, исходя из опыта изображенной им смены эпох, изображенной, надо сказать, на основе широкой, присущей автору, эрудиции; прогноз автора достаточно ясен: не исторические закономерности определяют будущее, но не поддающиеся непосредственному предвидению «вступление иного начала» (Hereintreten eines Anderen), в виде «провиденциальной», подобной Александру Македонскому, личности.

А. К. Бергер